

УДК 141. 33

Э.К. СКИБА

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ И РАМОК КОНЦЕПТА «ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Скиба Элеонора Константиновна – доцент кафедры менеджмента производственной сферы Национального горного университета, доцент, кандидат философских наук

В статье рассмотрена проблема неопределенности четких границ и рамок касательно феминности и маскулинности.

Ключевые слова: феминности, феминистский дискурс, идентичность, маскулинность, субъект.

У статті розглянуто проблему складності визначення критеріїв та меж щодо фемінінності та маскулінності

Ключові слова: фемінінність, феміністський дискурс, ідентичність, маскулінність, суб'єкт.

The problem of indetermination of masculinity and femininity frames and borders is analyzed.

Key words: femininity, feminist discourse, identity, masculinity, subject.

© Е.К. Скиба, 2012

Постановка проблемы. Вопросы демократического реформирования всех сторон социально-культурной жизни современного общества, острейшая насущность изучения, осознания, формирования идеала современного общества являются ключевыми вопросами не только современного украинского общества, но и мира в целом. В этой связи вопросы равенства, уважения и признания легитимности гендерных различий приобретают значимость особой остроты. Постмодернистский поворот философской мысли поднял вопросы, которые, прежде всего, касались философского дискурса о человеке. Работы Т.Адорно, М.Хоркхаймера, М.Фуко, Ж-Ф.Лиотара, Ж.Делеза, Ж.Деррида подняли вопрос о новом виденье и понимании сущности идентичности, и гендерной идентичности, процесса ее формирования, способом познания, и связанными с ним проблемами власти и доминирования.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема гендера и гендерной идентичности исследуется в работах Ю.Кристевой, Д.Батлер, К.Миллет, К.Джиллиган, С.Хардинг, С.Бенхаиб, Н.Чодороу, Э.Шоултер, С.Бем, которые исследовали проблему культурного конструирования маскулинности и феминности. Философский фундамент и важнейшие инструменты исследования взаимодействия феминного и маскулинного в культуре представлены в работах постклассических философов и психологов К.Юнга, М.Фуко, Ж.Делеза, М.Бубера, Ж.Бодрияра, Ж.Лакана, Ф.Гватарри, Дж.Батлер, Л.Иригаре, Е.Ериксона, С.Хантингтона, Ю.Кристевой и др. Работы украинских и русских ученых, таких как П.Гнатенко, Н.Хамитова, А.Бичко, В.Агеевой, С.Павлычко, Н.Чухим, И.Жеребкиной, И.Грабовской, Т.Власовой и др. посвящены проблемам природы человека, мужчины, женщины, представляют анализ разных интерпретаций понятий «гендер», «идентичность», «гендерная идентичность», привнося свой вклад в совершенствование методологии изучения основы трансформационных процессов в современном со-

циуме.

Цель исследования. Изучить гендерную идентичность как сложный социокультурный конструкт под углом зрения феминистской и гендерной теорий и психоаналитической теории.

Исходя из поставленной цели, целесообразно выделить следующие задачи:

- исследовать категорию «женщина» как категорию социальной философии;

- выявить особенности набора ценностей, ассоциированных с феминностью и маскулинностью;

- определить возможности применения твердых границ и рамок к социально-конструированной субъективной идентичности;

- изучить возможности введения в сферу феминности нормативной модели единой идентичности.

Изложение основного материала исследования. Изучая вопрос гендерной идентичности, необходимо обратиться к базисным понятиям этой категории. Очень важно обозначить, как мы определяем категорию «женщина». Мы заявляем, что женщины были исключены из культурного, литературного исследования проводимого мужчинами, проблемы женщин замалчивались как в работах по философии, так и работах по психологии. На самом деле определение «женщина» гораздо труднее определяемое, чем это может показаться на первый взгляд, ибо мы должны исследовать женщину не только как социальную категорию, но также и с точки зрения культурно - конструированной субъективной идентичности. Когда мы пытаемся идти по этому пути, нам необходимо ответить, что характеризует мир женщины, мир, который маргинализован, отрицаем различными маскулинными практиками. Что вообще есть феминность или есть ли особый набор ценностей, ассоциированный с женщинами как с отдельной группой. Заложено ли в самой категории «женщина» смысл отделения от условий подавления, в противовес которым она, категория, сформулирована

как таковая.

Для большинства исследователей, категория «женщина» используется в качестве политического лозунга без понимания того, что эта категория воздействует на прекращение всякого рода экспериментов артикулированных как часть феминистского дискурса. Когда категория понимается как набор ценностей или диспропорций, она становится нормативной по своему характеру и, следовательно, эксклюзивной в принципе. Такое понимание создало проблему как в теоретическом, так и в практическом плане, а именно: каким набором ценностей с точки зрения различных культурных позиций обладают женщины, отказавшиеся признать себя как женщины в терминах артикулированных феминистской теорией. В результате, эти женщины выпадают из границ и рамок самой категории. Остается прийти к выводу, что, либо они не женщины (как они ранее предполагали) или сама категория отражает ограничения своих теоретиков – создателей опирающихся на какие-то узкие представления, следовательно, эти предложенные рамки и границы тесны и не в состоянии формально признать пересечение, скрепление, соприкосновение гендера с расой, классом, этничностью, возрастом, сексуальностью и другими, распространенными характеристиками, которые оказывают влияние на формирование идентичности. В ответ на радикальное исключение категории женщины из господствующей (главной) культурной формации, с одной стороны, и внутренней критики эксклюзивного эффекта категории изнутри феминистского дискурса, с другой, феминисты – теоретики сейчас столкнулись с проблемой либо пересмотра определения и объяснения категории «женщина» как таковой, чтобы стать более инклюзивной (дабы охватить больше), либо придется бросить вызов уже определившемуся месту этой категории как части феминистского нормативного дискурса. Г. Спивак ведет полемику о якобы необходимости для феминизма полагаться на действующий эссенциализм, ложную онтологию женщины как универсальную для того, чтобы продвигать феминистскую политическую программу. Она признает, что категория женщины – не полностью выражена и не отражает все существующее различие, и, как следствие, не отражает многообразие и неравномерность, прерывистость всех значительных сопротивлений против универсальности этой категории. Понимая это, Г. Спивак все же предлагает использовать категорию в стратегических целях [7, 256]. В связи с этим теоретики рекомендуют, чтобы феминизм использовал категорию «женщины» в качестве политического инструмента вне обязательной (характерной) онтологической интеграции в термин, признавая при этом, что, строго говоря, нельзя сказать, что универсальна категория «женщины» существуют вообще.

Но не является ли онтологическая интеграция предположением, которое необходимо развеять, или практическое перемещение категории без онтологических обязательств также вызовет политическую консолидацию ее семантической интеграции с серьезными исключаящими результатами?

Есть ли какая-то другая нормативная отправная точка для феминистской теории, которая не требовала бы реконструкции и пересмотра видимого, очевидного фемининного субъекта, намного менее эмансипированного, у которого не было бы успешного опыта представления себя в обществе и который являлся бы совокупностью воплощенных сущностей культурно позиционированных как категория «женщины»?

Психоаналитическая теория заняла двусмысленную позицию в вопросе занимает ли категория «женщина» свое правильное место в феминистском политическом дискурсе. С одной стороны, психоанализ добился и обеспечил для идентичности как категории особое внимание и развитие, развитие, которого гендерная идентичность так жаждет. Обратили также особое внимание на бессознательное как безусловную, хотя и едва уловимую, отправную точку любых разговоров об идентичности. Дж. Митчел в работе «Психоанализ и феминизм» (1974) сумела не только убедительно показать, что гендер более конструируется, чем биологически предопределяется, но и то, что, исходя из этого, можно развернуть подробную панораму развития истории конструирования категории гендерной идентичности. Исходя из структуралистских взглядов Митчел заявляет, что нарратив инфантильного развития получил относительную (релятивную) всеобщность и что психоаналитическая теория в связи с этим, оказалось, предлагает феминизму описать психологический и культурные истоки обоснования уже оформившейся и получившей распространение гендерной идентичности [4, 377].

На этих же позициях стоит Ж. Розе, заявляя, что сила психоанализа в том и состоит, что он предьявляет счет, претензии патриархатной культуре, как воздействующей транс-исторической и кросс-культурной силе. Поэтому психоанализ вместе с феминизмом приходят к требованию создания теории, которая могла бы объяснить подчиненное положение женщины во всех культурах и исторических эпохах [5, 90].

Поскольку психоаналитическая теория предоставила феминистской теории способ идентифицировать и фиксировать гендерное различие посредством метанарративов уже сформированного инфантильного развития, эта теория также помогает феминисткам показать каким образом те же самые знания, понятия, представления о предмете выступают в качестве маскулинной прерогативы в пределах культурных терминов. Закон патриархата, который посредством психоанализа Лакана используется как обоснование всех видов родства и всех культурных отношений, не только санкционирует мужчину как субъект, но и вводит как непреложную истину его исключительность посредством отрицания фемининного. Таким образом, будучи в состоянии очень далеко от того, чтобы называться субъектом, женщина получает статус «Другой», как некто тайственный, непознанный и непознаваемый, как некое запретное и неисправимое материальное тело или некая сомнительная смесь чего-то.

Разрабатывая теорию Лакана, но отрицая ее предположение об универсальности патриархата, Люси Иригаре заявляет, что сам конструкт «автономный субъект» является маскулинной культурной прерогативой, из которой женщины исключены, как таковая. Далее она заявляет, что, поскольку субъект в культуре всегда маскулинный, то это уже заранее обуславливает отрицание подчиненного, природой обусловленного, зависимого положения мужчины от матери в ранние годы инфантильного периода развития, и что его «автономия» обосновывается на сознательном вытеснении из сознания его полной беспомощности в раннем детстве. Субъект, таким образом, становится фантазией автогенеза (самозарождения), неким отказом от материального обоснования, то есть, обобщенно говоря, отречением от фемининного. По мнению Иригаре, в результате выше сказанного, не имеет смысла ссылаться на женский субъект или на женщину как субъект, ибо сам по себе конструкт субъекта требует и предполагает отношений иерархии, включения и доминирования. Иными словами, субъект не может существовать без оппозиции Другой [3, 140].

Психоаналитическая критика, начиная с Фрейда с его критикой концепта «мужчина» эпохи Просвещения как рационального существа и критикой Лакана картезианских идей, предоставила феминистам – теоретикам способ освобождения от претензий маскулинности посредством выставления напоказ, развенчания стратегии доминирования. Дестабилизация субъекта феминистской критикой стала тактикой разоблачения маскулинной власти и, как это сделали французские феминистки, смерть субъекта повлекла за собой освобождение или эмансипацию подавляемой фемининности, а с ней и сексуальности.

Но, как результат этого, сразу возник вопрос политического характера: если произошел отказ от субъекта как концепта, то как быть с фемининным субъектом? Если не фемининный субъект обеспечивает нормативную модель для феминистской эмансипации, тогда кто? Если отказываясь от конструктов патриархатного общества как от устаревших нарративов, мы откажемся от конструкта «субъект» и не будем включать категорию субъекта в феминистскую теорию, то не лишимся ли мы понятия агента, активного деятеля в теории и практике? Не вызовет ли этот отказ сомнения касательно жизнеспособности феминистской теории как нормативной модели? Без унифицированного концепта «женщины», или, по крайней мере, какого-то термина в пределах гендерной терминологии, оказывается, что феминистская политика потеряла категориальный базис своих собственных нормативных требований. Что конституирует субъект, ради которого и была начата эмансипация? Если нет более категории «субъект», кого эмансипировать?

Противостояние критике субъекта разделяется и другими исследователями дискурса: если подавление определяется в пределах терминов потери автономии самими угнетенными, а также как фрагментация или отчуждение (психическое

расстройство) психики этих угнетенных, тогда теория, настаивающая на неизбежной фрагментации субъекта, репродуцирует это самое угнетение, которое должно быть преодолено в конце концов. Необходимо, вероятно, подумать о типологии фрагментации или, по крайней мере, подумать над ответом может ли угнетение определяться терминами фрагментации идентичности. Несомненно, категория «женщины» внутренне фрагментирована классом, цветом, возрастом, этносом. В этом смысле, отдавая дань категории разнообразия и настаивая на открытости самого определения, оказывается, что необходимо оградить от субституции (замены) овеществления женского опыта от существующего разнообразия [2, 185].

Но как нам знать, что существует до дискурсивной артикуляции, какова предыстория сегодняшней гендерной идентичности? Более того, критика субъекта означает больше чем реабилитацию множественности субъекта, чьи различные «части» взаимосвязаны в пределах доминирующего, перекрывающего всю множественность единства, так сказать, коалиционного субъекта или, иными словами, внутреннего сообщества плюралистских точек зрения.

Конечно же, политическая критика по вопросу субъекта и о том использовать ли концепцию идентичности в обоснование политики, к тому же, внутренне осложненной, препятствует возможным культурным артикуляциям позиции субъекта.

Социалисты - феминисты четко сформулировали доктрину интегрированного субъекта, не принимающего раскола между публичной и частной сферами, которая отменила домашний труд как эксплуатацию, а также особые моральные и культурные ценности, которые вели свое начало из частной жизни. Последователи идеи о необходимости разделения частной и публичной жизни призвали к ре-интеграции, восстановлению традиционных фемининных добродетелей, таких как забота в традиционные моральные тактики, что приведет к некоему типу ре-интеграции и восстановлению человеческой личности, представленной как утраченное единство, нуждающееся в восстановлении для нужд современной ситуации. Феминистская психоаналитическая теория подобным образом требовала реструктуризации практики воспитания детей, которая бы сокращала раскол между гендерными отличиями, вызванными преобладающим присутствием матери в период опеки.

Интеграция тактик опеки и зависимости в сфере маскулинности и соответствующая ассимиляция автономии в сфере фемининности предполагает введение нормативной модели единой идентичности, которая стремится к андрогенному решению. Исследователи настаивают на глубинной спецификации фемининных корней в первичной материнской идентификации, которая обосновывает альтернативный фемининный субъект, определяющий свою относительность и контекстуальность, и которому не удалось проявить привитый изначально маскулинный страх зависимости в самом центре отказа подчиниться материнскому и, соответствен-

но, фемининному. В этом случае единая идентичность вновь возникает в виде андрогинной фигуры, но как специфический фемининный субъект, организованный процессом создания материнской идентификации.

Между последователями Лакановской и пост-Лакановской феминистскими психоаналитическими теориями существуют разногласия по концепции субъекта и его предполагаемой интеграции. Последователи Лакана, такие как Ж. Роуз доказывают, что сторонники теории объектной связанности (соотносительности) потерпели неудачу в объяснениях бессознательного и нарушении беспрепятственности, которые характеризуют психику в период формирования Эго и обособленное чувство идентичности. Заявляя, что идентификация первична, теоретики объектной соотнесенности посчитали разумную жизнь младенца первичной по отношению к его психическому развитию, объединяя психику с Эго и низводя бессознательное к незначительной роли. Последователи Лакана настаивают на бессознательном как источнике неоднородного и хаотического импульса или указаний, они заявляют, что Эго является постоянно нестабильным явлением, основываясь на первичном вытеснении бессознательных импульсов, которые возвращаются постоянно, чтобы поджидать и расшатывать и без того мнимое единство Эго [1, 116].

Хотя эти теории имеют целью дестабилизировать субъект как конструкт слаженных действий, они, тем не менее, обосновывают и вводят гендерную слаженность действий посредством стабилизирующего метанарратива инфантильного развития. Как отмечают Роуз и Митчелл, бессознательное - это открытое лингвистическое поле неоднородности, которое опротестовывает жесткий иерархи-

ческий код сексуального различия, закодированного в языке и других культурных регулятивных нормах. Хотя бессознательное, таким образом, становится местом ниспровержения, остается все же неясным, какие изменения может обеспечить бессознательное, принимая во внимание жесткую синхронность структуралистских рамок. Правила, конституирующие и регулирующие сексуальное различие, в пределах Лакановских терминов, ясно показывают их неизменность, которая несет в себе серьезные опасения и делает их неприемлемыми для любой теории социальной и культурной трансформации. Неудача исторической перспективы для правил, регулирующих сексуальные различия неминуемо доказывает, что различие, как конкретное обоснование интеллигентной культуры (где патриархатный закон становится инвариантным условием интеллигентности) и разнообразие полемики не только не сможет никогда аннулировать закон, но, фактически, требует постоянной действительности этого закона для поддержания значительности, выразительности культурных регуляторных норм.

Выводы. Подводя итоги, мы должны отметить, что последователям различных теорий приходится признать, что на сегодняшний день ни одна из теорий не способна дать четкое обозначение границ и рамок понятия «гендерная идентичность», поскольку сама логика рамок уже предполагает применение иерархии (в принципе не признаваемое любым маргинальным классом); что невозможно вместить в единые рамки все богатство опыта личности - в нашем случае гендерного опыта; что определение, установление жестких рамок уже само по себе предполагает подавление всякого «другого» опыта этими рамками как регуляторными культурными нормами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Freud S. Three Essays on the Theory / Sigmund Freud. - NY: Basic Book, 1975. - 321 p.
2. Harding S. The Instability of Analytical Categories of Feminist Theory/ Sandra Harding . - Chicago : University of Chicago Press, 1987. - 198 p.
3. Irigaray L. Any Theory of the Subject Has Already Been Appropriated by the Masculine. Speculum of the Other Woman / Luce Irigaray. - NY: Cornell University Press, 1985. - 340 p.
4. Mitchell J. Psycho-analysis and Feminism / Julia Mitchell. NY: Vintage, 1975. - 477 p.
5. Rose J. Femininity and its Discontents, Sexuality in the Field of Vision/ Jacqueline Rose. - London: Verso, 1987. - 290 p.
7. Spivak G. Remarks, Center for the Humanities/ Gayatri Spivak.- Wesleyan University, 1985.- 421 p.